

ОБМЕННЫЕ ПРАКТИКИ И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК МЕХАНИЗМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДЕФИЦИТОВ В ЛОКАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВАХ ТАЙМЫРА И КАМЧАТКИ

Валерия Владиславовна Васильева

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1 Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН
3 Университетская наб., Санкт-Петербург, Россия
vvasilyeva@eu.spb.ru

Ксения Андреевна Гаврилова

Европейский университет в Санкт-Петербурге
6/1 Гагаринская ул., Санкт-Петербург, Россия
Университет Тюмени
6 ул. Володарского, Тюмень, Россия
kgavrilova@eu.spb.ru

Аннотация: В статье рассматриваются социальные механизмы, лежащие в основе компенсации дефицитов товаров, услуг и инфраструктур в двух северных поселках — Сындаско на востоке Таймыра и Тилички на севере Камчатки. Под механизмами понимаются вплетенные в повседневность, не институционализированные и зачастую не рефлекслируемые обменные практики, позволяющие получать отсутствующие на месте (или наличествующие в ненадлежащем качестве) продукты или услуги. Авторы приходят к выводу, что вне зависимости от характера дефицитов («традиционные» — мясо и рыба, воспитание детей — или «рыночные» — свежие фрукты, снегоходные запчасти, возможность взять кредит) практики их восполнения сходны, а ликвидация недостач происходит в рамках социально и географически разнообразных социальных сетей. Социальные сети как связывают домохозяйства внутри поселка, так и протягиваются из сельской среды в город и обратно и благодаря цепочке многосоставных обменов взаимно ликвидируют дефициты, характерные для того или иного населенного пункта. Специфичным для северных поселков является непроговариваемое социальное предписание к перераспределению, предполагающее гарантированную обеспеченность расширенной семьи ресурсами. Описываемые практики преодоления дефицитов возможны благодаря стабильной, хоть и видоизменяющейся под влиянием внешних факторов конфигурации социальных отношений, делающей жизнь в поселках удобной и достаточной и позволяющей местным жителям не интерпретировать ситуацию структурного отсутствия тех или иных товаров или услуг как проблемную.

Ключевые слова: дефицит, социальные сети, обмены, редиистрибуция, инфраструктура, российская Арктика, Таймыр, Камчатка.

Благодарности: Статья написана в рамках гранта Российского научного фонда № 19-78-10002 «Питание в Российской Арктике: ресурсы, технологии и инновации».

Для ссылок: Васильева В., Гаврилова К. Обменные практики и социальные сети как механизмы преодоления дефицитов в локальных сообществах Таймыра и Камчатки // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 99–131.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-54-99-131

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/054/vasilyeva_gavrilova.pdf

---

ANTROPOLOGICHESKIJ FORUM, 2022, NO. 54

EXCHANGE PRACTICES AND SOCIAL NETWORKS AS MEANS OF COPING WITH SHORTAGES IN LOCAL COMMUNITIES OF TAIMYR AND KAMCHATKA

Valeria Vasilyeva

European University at St Petersburg
6/1 Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia
vvasilyeva@eu.spb.ru

Ksenia Gavrilova

European University at St Petersburg
6/1 Gagarinskaya Str., St Petersburg, Russia
University of Tyumen
6 Volodarskogo Str., Tyumen, Russia
kgavrilova@eu.spb.ru

Abstract: The article investigates the social mechanisms underlying the compensation of goods, service, and infrastructure deficits in two northern villages, Syndassko in Eastern Taimyr, and Tilichiki in Northern Kamchatka. The phenomenon

being analyzed represents routine, non-institutionalized, and often unconscious mechanisms that provide community members with products or services that are absent on the spot. The authors come to the conclusion that—regardless of the nature of the deficits (whether they are “traditional”—meat, fish, childcare or “market”—fresh fruits, snowmobile spare parts, taking out a loan for someone)—the practices for their compensation are similar and the elimination of shortages occurs within diverse social and geographic networks. Exchange networks connect households within the village, extend from the rural area to the city and back and, through a chain of multiple exchanges, mutually compensate the deficits typical for a particular locality. Social prescription for redistribution that is specific for northern villages guarantees provision of the extended family with resources. The described social situation represents a stable (but flexible) configuration of social relations that provides local residents with a convenient and satisfactory way of life and allows them to interpret the situation of the systematic absence of certain goods or services as unproblematic.

Key words: deficit, shortage, social network, exchange, sharing, infrastructure, Russian Arctic, Taimyr, Kamchatka.

Acknowledgements: The research project has been supported by the grant of the Russian Science Foundation (No. 19-78-10002), project “Food in the Russian Arctic: resources, technologies and innovations”.

To cite: Vasilyeva V., Gavrilova K., ‘Obmennye praktiki i sotsialnye seti kak mekhanizmy preodoleniya defitsitov v lokalnykh soobshchestvakh Taymyra i Kamchatki’ [Exchange Practices and Social Networks as Means of Coping with Shortages in Local Communities of Taimyr and Kamchatka], *Antropologicheskij forum*, 2022, no. 54, pp. 99–131.

doi: 10.31250/1815-8870-2022-18-54-99-131

URL: http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/054/vasilyeva_gavrilova.pdf

Валерия Васильева, Ксения Гаврилова

Обменные практики и социальные сети как механизмы преодоления дефицитов в локальных сообществах Таймыра и Камчатки

В статье рассматриваются социальные механизмы, лежащие в основе компенсации дефицитов товаров, услуг и инфраструктур в двух северных поселках — Сындасско на востоке Таймыра и Тилички на севере Камчатки. Под механизмами понимаются вплетенные в повседневность, не институционализированные и зачастую не рефлекслируемые обменные практики, позволяющие получать отсутствующие на месте (или наличествующие в ненадлежащем качестве) продукты или услуги. Авторы приходят к выводу, что вне зависимости от характера дефицитов («традиционные» — мясо и рыба, воспитание детей — или «рыночные» — свежие фрукты, снегоходные запчасти, возможность взять кредит) практики их восполнения сходны, а ликвидация недостатков происходит в рамках социально и географически разнообразных социальных сетей. Социальные сети как связывают домохозяйства внутри поселка, так и протягиваются из сельской среды в город и обратно и благодаря цепочке многосоставных обменов взаимно ликвидируют дефициты, характерные для того или иного населенного пункта. Специфичным для северных поселков является непроговариваемое социальное предписание к перераспределению, предполагающее гарантированную обеспеченность расширенной семьи ресурсами. Описываемые практики преодоления дефицитов возможны благодаря стабильной, хоть и видоизменяющейся под влиянием внешних факторов конфигурации социальных отношений, делающей жизнь в поселках удобной и достаточной и позволяющей местным жителям не интерпретировать ситуацию структурного отсутствия тех или иных товаров или услуг как проблемную.

Ключевые слова: дефицит, социальные сети, обмены, редистрибуция, инфраструктура, российская Арктика, Таймыр, Камчатка.

Для небольших сельских поселений Севера характерно сочетание таких социальных условий, как скудные инфраструктурные возможности, сильная зависимость от транспортно-логистических связей с региональным центром, нерегулярность и проблематичность этих связей (особенно в переходные сезоны), большая вовлеченность населения в неформальное освоение природных ресурсов, а также использование продукции промыслов в качестве важного элемента жизнеобеспечения. Не все эти факторы специфичны именно для Севера, но в сочетании они требуют как минимум больших усилий для компенсации недостатков товаров, услуг или инфраструктур, нежели в регионах с более благоприятными климатическими условиями. Впрочем, значимое отсутствие определенных благ проблематизируется не столько жителями поселков, сколько сторонними наблюдателями (политиками, журналистами или социальными исследователями), нередко видящими в дефицитах причину ненормальности, «неустойчивости» жизни на Севере. В статье мы рассматриваем

Валерия Владиславовна Васильева

Европейский университет
в Санкт-Петербурге /
Музей антропологии
и этнографии (Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург, Россия
vasilyeva@eu.spb.ru

Ксения Андреевна Гаврилова

Европейский университет
в Санкт-Петербурге,
Санкт-Петербург, Россия /
Тюменский государственный
университет,
Тюмень, Россия
kgawrilova@eu.spb.ru

разные поселковые дефициты товаров, услуг и инфраструктур, фокусируясь не столько на их типологии, сколько на социальных механизмах, которые стоят за их восполнением, а также анализируем специфику их восприятия поселковыми жителями.

Аналитическая рамка

Центральной для статьи является категория *дефицит(ы)*, при помощи которой мы будем обозначать в широком смысле недостаток, нехватку чего-либо. В качестве дефицитов мы рассматриваем те лакуны — отсутствие товаров, услуг, инфраструктур, — на преодоление (заполнение) которых направлены конвенциональные практики, *систематические низовые усилия*¹ представителей сообщества. В одних случаях дефициты вполне осознаются поселковыми жителями, квалифицируются как значимые и даже обозначаются в речи при помощи слов и словосочетаний со значением «нехватка, отсутствие», например *недостаток, недоступность, ничего нету, здесь не хватает* и др. В других случаях механизмы преодоления этих дефицитов настолько отлажены и привычны (широко распространены и давно выработаны), что отсутствие товара / услуги не осознается как недостача и не проблематизируется. Например, отсутствие свежих фруктов и овощей в поселковых магазинах артикулируется как проблема, нередко упоминаемая в контексте разговора о необходимости переезда, в то же время отсутствующее в продаже оленье мясо может не рассматриваться как проблематичная нехватка, потому что отношения обмена *гарантируют* семье получение оленины от родственников-оленоводов.

Более того, в понятие *дефициты* мы включаем именно *структурную недостачу* определенных товаров, услуг и инфраструктур — отсутствие у сообществ небольших поселков, находящихся в фокусе внимания статьи, принципиальной возможности доступа к определенным благам «на месте», например к помощи специалистов-медиков, свежему молоку или оленине. Показательно, что структурный дефицит может быть обусловлен как отсутствием «модерных» механизмов обеспечения населения товарами / услугами (например, отсутствие магазинов, больниц), так и особенностями социального устройства и промышленной деятельности сообщества (например, рыболовецкой «специализацией» населения, а не оленеводческой). Используя категорию *структурный* (дефицит), мы отсылаем к внутренне-

---

¹ Неформализованные низовые усилия мы отличаем от такой стратегии самоорганизации локальных сообществ, как создание стабильно функционирующих институций с открытым и равным доступом, например открытие продуктового магазина или оказание косметологических услуг на дому за фиксированную плату.

му устройству и устойчивым характеристикам описываемой социальной ситуации. Тем не менее мы осознаем условность такого понимания, главным образом ввиду проницаемых (также условных) границ между *физическим* отсутствием определенного товара в данной локальности и его *воспринимаемым* отсутствием. Например, в определенные сезоны в поселковых магазинах свежие овощи могут быть как недоступны для продажи в принципе (физически отсутствовать), так и продаваться по высокой цене и при этом быть низкого качества (восприниматься как отсутствующие — непригодные для приобретения). В обоих случаях жители будут стремиться к компенсации дефицита посредством обращения к социальным сетям в городе, где овощи доступны, дешевы и качественны. Соответственно в обоих случаях мы рассматриваем ситуацию как *структурный дефицит*¹.

Аналитическое использование категории *дефицит(ы)* невозможно без краткой характеристики того социального и исследовательского контекстов, в чьи рамки вписываются интересующие нас проблемы. Понятие дефицита было (и остается) одним из ключевых для длительной традиции изучения советской и постсоветской экономики. И в первые советские годы, и в позднесоветское время дефицит товаров (от продуктов питания и одежды до бытовых услуг и жилплощади), вызванный в разных пропорциях «недопроизводством», «системными проблемами распределения», низким качеством продукции и т.д., называют одной из определяющих черт экономической ситуации в СССР [Фицпатрик 2008: 54]. В рамках историко-социологического подхода проблема дефицита стабильно рассматривается в связи с функционированием социальных связей («неформальных сетей родственников, друзей и знакомых») и выработкой стратегий (обменов, «теневых рынков»), позволявших дефицит компенсировать [Романов, Ярская-Смирнова 2007]. Впрочем, рассмотрение интенсивных неформально-экономических связей как исключительного признака советской экономической культуры неправомерно: такие стратегии компенсации, как закупки впрок, выезды за определенными товарами в другие города / регионы, многоходовый бартер и др., характерны и для современного российского контекста.

Иной взгляд на роль «сетевых» взаимодействий, в частности обменов, в экономике социальных групп предлагают экономическая социология и антропология в исследованиях сельской России. Обмены рассматриваются внутри социальных сетей —

¹ Тонкостями определения категории *дефицит* мы обязаны продуктивному диалогу с К.В. Истоминым, чьи формулировки в ряде случаев были точнее наших.

достаточно гибких, чтобы менять конфигурацию («протягиваться» или «сужаться») в зависимости от специфики обмениваемых товаров, появления новых партнеров и других факторов [Штейнберг 2002: 278–282]. Феномен «растягивания» сетей между разными локациями (например, сельской средой и городом) позволяет членам сети, во-первых, препятствовать возникновению дефицитов, равномерно распределяя внутри «локального круга взаимопомощи» материальные, инфраструктурные и интеллектуальные блага, а во-вторых, воспроизводить этнически специфичные конфигурации родственных связей и образа жизни. Так, в Республике Тыва «союз города и мяса» основывается на тесной взаимосвязи городских семей, родственников, живущих в селе, и семей кочующих: первые обеспечивают группу промтоварами, вторые выращивают овощи, ягоды и заготавливают сено, а третьи поставляют мясные и молочные продукты [Москаленко 2015: 136–137]¹. Зачастую неформальные обмены составляют значительную долю семейного бюджета², но при этом не всегда осознаются участниками ввиду того, что могут не категоризироваться как таковые (но, например, как безвозмездный *дар*), не восприниматься как значимый источник дохода или ввиду своей регулярности («растворяются» в повседневности до полной «невидимости» [Виноградский 2002: 307–308; Trotsuk, Nikulin 2010: 358].

В антропологической перспективе роль семейных сетей в обеспечении взаимопомощи и «социальной безопасности» исследовалась в рамках проекта “Kinship and social security” (далее KASS³) на материалах из восьми европейских стран в 2004–2008 гг. Российские участники проекта KASS анализировали существующие в пределах расширенной семьи (именно она была принята за экономическую единицу) практики взаимной помощи, долговых отношений, перераспределения благ как основание сельской нерыночной экономики, с одной стороны, и как форму долгосрочного социального контракта родственников, обеспечивающего социальные гарантии в условиях рыночной и институциональной нестабильности, — с другой [Trotsuk, Nikulin 2010] (см. также [Polshuk 2010]). Признавая правомер-

---

¹ См. также обмен между сообществами оленеводов и рыболовов в [Мартынова 2015; Liarskaya 2017]. О том, что условное село вкладывается в отношения обмена в большей степени, нежели город, хотя сами участники могут воспринимать это иначе (ввиду того, что город ассоциируется с труднодоступными товарами, например «свежестями» вроде овощей и фруктов), см.: [Штейнберг 2002: 281].

² Детальные исследования экономических стратегий семей, в том числе на материале бюджетов, проводились в рамках изучения сельской России под руководством Теодора Шанина, см., например: [Виноградский 2002].

³ Ср. рабочее для KASS определение родства: “kinship consists of all relationships that can be described by stringing together primary kin terms to form chains—whether or not each link in the chain is based on a procreative tie” [Heady 2010: 31; курсив автора. — В.В., К.Г.].

ность фокусировки на обменах внутри расширенной семьи, в рамках данной статьи своей задачей мы ставим рассмотрение обменных практик в более широком спектре социальных связей. При этом за экономическую единицу мы принимаем не индивида, а домохозяйство, понимаемое как группа совместно проживающих людей, обычно родственников. Соответственно обмен мы анализируем только в контексте отношений между домохозяйствами. Это позволяет равноправно рассматривать обменные практики между домохозяйствами одной локации и пространственно разделенными, не фокусируясь при этом исключительно на внутриселской редистрибуции или исключительно на родственных сетях.

Собственный подход к изучению сельских сообществ предлагает экономическая социология, фокусирующаяся не на «сетевой» природе экономического взаимодействия, а на *способах* неформального заработка, например на освоении природных ресурсов, неформальной занятости¹. Подобные практики рассматриваются как условие благополучия и самого поселка, и его населения, особенно в ситуациях, которые воспринимаются и описываются как *кризисные* [Ziker 1999; Ventsel 2005]. Для социологов, проводивших исследования в первое постсоветское десятилетие, тем кризисом, на фоне которого актуализировались способы неформального заработка, был «переходный период» в политике и экономике России, снизивший материальное и моральное «качество жизни» миллионов российских семей [Штейнберг 2002: 275–276]. В свою очередь, участники проекта KASS, проводившие исследования в середине 2000-х гг., характеризовали неформальные экономические практики также при помощи отсылок к затянувшемуся экономическому кризису, требующему экстренных форм низовой кооперации [Trotsuk, Nikulin 2010: 344–345, 348–349]. Безусловно, глобальные сломы экономического и политического порядка приводили к интенсификации неформальной экономики, но говорить о кризисе, затянувшемся на 30 лет, как единственном ее факторе, как кажется, не вполне оправданно.

Еще одной устойчивой тенденцией интерпретации исследователями постсоветских практик обмена в удаленных северных

¹ Характерными чертами неформальной экономики признается положение вне рамок формального регулирования (за пределами правового поля и формальных контрактов) и вне официального наблюдения (сферы государственного контроля, систем статистического и налогового учета) [Портес 2003; Барсукова 2004]. На вопрос о причинах распространения неформальных практик исследователи дают разные ответы — от попыток выявить экономические триггеры, такие как безработица, налоговое бремя, слишком сильное или слишком слабое государственное регулирование, до утверждений о том, что неформальная экономика повсеместно сопровождает «формальные институты, придавая их функционированию более гибкий характер и компенсируя неизбежные сбои» [Барсукова, Радаев 2012: 100].

поселках является категоризация местных обменов как «традиционной экономики», «рыночная экономика» при этом рассматривается как внешняя, чуждая местным реалиям система, лишь отголоски которой проникают на локальный уровень [Stammler 2011]. Истоки этого противопоставления лежат в классических работах по экономической антропологии. Важнейший для ранних работ тезис о необязательной отделенности экономики от других сфер общества последовательно доказывался через обращение к «традиционной» / «примитивной» / «первобытной» экономике [Малиновский 2004 (1922); Поланьи 2002 (1944); Салинз 1999 (1972)], значительно отличавшейся, по мнению авторов, от западной модели, при этом между современными и историческими примерами аграрных обществ зачастую вообще не проводилось разделение (см., например: [Поланьи 2002: 51–68]). «Традиционные общества» по умолчанию представляются более ранней стадией социального развития, за которой рано или поздно должна последовать более сложная форма экономических отношений по образцу современных обществ. Несмотря на то что эта пресуппозиция позднее была неоднократно оспорена (см., например: [Humphrey 1985; Гребер 2015]), дихотомия традиционной и рыночной экономик так и осталась доминирующей матрицей описания значительно различающихся экономических практик [Hugh-Jones 1992].

Характерным примером использования такой интерпретационной рамки являются исследования продовольственной безопасности «коренных» этнических групп, выполняемые на материале североамериканской Арктики и субарктики (кроссарктическое исследование представлено в [Duhaime, Bernard 2008]) и анализирующие влияние различных внешних изменений на «традиционную экономику» локальных сообществ. Среди факторов уязвимости арктических сообществ (*food insecurity*) чаще всего рассматривают их зависимость от технологий, высокую стоимость привозных продуктов питания и высокотехнологичных вещей, используемых в том числе на промыслах, а также низкое качество добываемых природных ресурсов, государственные нормы и регуляции, препятствующие адаптации коренных жителей к изменяющейся среде [Loring, Gerlach 2015: 385–386]. Оптимальным способом управления рисками признаются не столько практики совмещения в рационе покупных продуктов с продуктами «промысла», сколько социальные стратегии поддержки внутри сообществ, прежде всего между родственниками. В числе стратегий исследователи, как правило, рассматривают локальное управление природными ресурсами, применение «традиционных» знаний и навыков на промыслах, специфические практики сохранения пищи и главным образом механизмы распределения вещей по соци-

альным сетям, например через общие приемы пищи или разделение продуктов промысла внутри локального сообщества, одалживание техники в пределах расширенной семьи, денежные трансферты между ближайшими родственниками и т.д. Речь, впрочем, почти всегда идет о движении *материального*, но не об услугах, *действиях* [Harder, Wenzel 2012: 305–307; Ready 2016: 275–277]. При всей справедливости рассмотрения сетевых взаимодействий как формы социальной гарантии принципиальным недостатком подобного рода исследований является квалификация местных обменных практик как «традиционных», требующих (в отличие от экономик некоренных сообществ) внешней заботы и одновременно с этим невмешательства, стабильности и неизменяемости существующей системы.

Справедливо критикуя такой поход, исследователи отмечают, что логика обменов среди коренных жителей Севера основана как на «традиционных» представлениях о семье и взаимопомощи, так и на обращении к современным экономическим и административным ресурсам [Ventsel 2005]. Более того, практики, которые исследователи обычно маркируют как «традиционные», также являются продуктом исторического взаимодействия с иными, условно говоря «капиталистическими», логиками обменов. Так, торговля с коренными народами Сибири насчитывает уже несколько веков, в ходе которых варьировались как предметы обмена, так и смыслы, вкладываемые в обменные практики обеими сторонами. Рыночная логика, таким образом, настолько прочно укоренена в других формах обмена, что невозможно однозначно определить смысл той или иной обменной практики [Ссорин-Чайков 2012]. Критика этой дихотомии важна для нас, в частности, в связи с определением объема ключевого понятия *дефицитов*.

Как показывает проанализированный корпус работ, категория *дефицит* используется при описании советской неформальной экономики, в то время как на связь механизма *обмена* с социальными *сетями* разных конфигураций обращают внимание в связи с изучением сельской России; наиболее близкими к предлагаемому нами подходу можно считать работы: [Gavrilova 2017; Liarskaya 2017; Васильева, Карасева, Болотова 2020; Лярская, Гаврилова 2020]. Итак, под *дефицитами* мы понимаем структурную недостачу, отсутствие чего-либо (товаров, услуг, инфраструктур) / доступа к чему-либо для исследуемого сообщества, причем для нас принципиально важно, что такое отсутствие *значимо*, так как на его регулярную компенсацию направлены усилия людей, которые, впрочем, могут не осознаваться ими как специальные усилия. При таком определении в поле нашего внимания попадают а) условно «новые» дефициты, а именно нехватка в поселках таких современных инфраструктур

и благ, как магазины с широким ассортиментом товаров, медицинские учреждения, организации бытового обслуживания, развитые коммунальные услуги, а также, что особенно важно в северном контексте, налаженные транспортные пути доставки товаров / выездов для получения «отложенных услуг»; б) условно «традиционные» дефициты, вроде базовых продуктов питания (мясо, рыба), компенсация которых «традиционно» осуществлялась посредством обменов между семьями или локальными группами (и являлась одной из конвенциональных тем советской этнографии народов Сибири). Лексему *дефицит* мы последовательно используем во множественном числе, указывая таким образом на множественность поселковых недостатков и их амбивалентную природу. В рамках статьи мы не ставим перед собой задачу создать исчерпывающий перечень поселковых дефицитов, типов обменных операций или конфигураций социальных сетей: в фокусе нашего внимания находятся практики компенсации / ликвидации локальных недостатков посредством актуализации сложившихся социальных отношений.

Характеристика исследуемых сообществ

В качестве анализируемых случаев мы выбрали населенные пункты, с одной стороны, *сходные* с точки зрения транспортной доступности, отсутствия крупных организаций, обеспечивающих жителей трудоустройством, и наличия инфраструктурных и продуктовых дефицитов, с другой — *отличные* в плане этнического состава населения, его миграционных стратегий, а также административного статуса поселков и их принадлежности к разным регионам. Идентичность практик, анализируемых ниже, позволяет делать выводы об универсальности способов компенсации дефицитов на фоне отчасти контрастных социальных условий: в относительно «закрытом» моноэтническом поселке и в полиэтническом поселке с периодически меняющимся населением. В статье приводятся полевые материалы, собранные методами полуструктурированного интервью и включенного наблюдения в 2015 г. на Таймыре (В. Васильева) и Камчатке (К. Гаврилова). Авторы следовали единой методологии, так как оба выезда были совершены в рамках работы по проекту «Дети девяностых в российской Арктике: оценка настоящего и желаемое будущее».

Поселок Синдасско входит в сельское поселение (СП) Хатанга Таймырского (Долгано-Ненецкого) муниципального района Красноярского края. Поселок находится на значительном удалении (в 285 км) от села Хатанга, в котором сосредоточены основные административные объекты и через аэропорт и порт которого осуществляются все перевозки людей и грузов внутри

района. По данным администрации Сындасско за октябрь 2014 г., численность населения поселка составляет 509 человек (долганы — 494, русские — 8, нганасаны — 5, эвены — 2, якуты — 2). Практически все жители родились и выросли в своем поселке, окружающей тундре или соседних поселках. Приезжие специалисты (фельдшеры и учителя начальных классов) в поселке также обычно являются выходцами из Хатангского района. В поселке есть детский сад, начальная школа-интернат, фельдшерско-акушерский пункт (ФАП), почтовое отделение, администрация, сельский дом культуры (СДК), библиотека и дизельная электростанция, один магазин. Жилые дома (в отличие от учреждений социально-бытового обслуживания) не имеют центрального отопления и водопровода. Основным средством связи служит стационарный телефон, мобильная связь отсутствует. В окрестностях поселка на момент исследования кочевали три оленеводческих бригады, объединяющиеся на летний период в одну в связи с малочисленностью стад. Нетрудоустроенные мужчины (а это большинство мужчин поселка) заняты промысловыми практиками: охотой на дикого оленя, рыбалкой и поиском бивня мамонта. Добыча и вылов осуществляются мужчинами как для пропитания собственной семьи, так и на продажу вовне поселка.

Село Тилички — центр Олюторского района Северной Камчатки (бывшего Корякского АО), на 1 января 2015 г. в селе насчитывалось 1423 чел. (русских, коряков, чукчей и др.); на 1 июня 2015 г. на учете с целью поиска подходящей работы стоял 101 человек, безработными числился 91 человек. Занятость населения обеспечивала преимущественно бюджетная сфера поселка, магазины, локальные инфраструктурные операторы, а также вахтовые и сезонные (на лососевой путине) способы заработка. Инфраструктура Тиличики соответствовала статусу районного центра и включала районные и муниципальные административные учреждения, поликлинику, больницу, аптеку, среднюю общеобразовательную школу, специализированную школу-интернат и учреждения внешкольного образования, детский сад, две библиотеки, центр культуры и досуга, бар, почту, отделение Сбербанка, два десятка магазинов (преимущественно, продуктовых), а также ряд предприятий, например Олюторское лесничество, администрацию Корякского заповедника, офис АО «Корякэнерго». Со столицей края Тилички связаны авиарейсами до закрытого поселка Корф, расположенного на песчано-гравийной косе через залив от Тиличики. В отличие от поселка Сындасско на Таймыре, для Тиличики характерна ротация населения: не только отток жителей поселка, но и приезд новых специалистов (в том числе молодежи) на административные, медицинские и др. долж-

ности из столицы края, других регионов России, а также из северных сел Олюторского района. По сравнению с таймырским Сындасско Тилички можно считать благополучным поселком в плане наличия рабочих мест, бытовой инфраструктуры (коммунального благоустройства или отстройки новых жилых домов после землетрясения 2006 г.), магазинов с разнообразным ассортиментом товаров. Несмотря на это, для жителей Тиличики не менее актуальны представления о значимых отсутствиях и выработка стратегий их преодоления.

(Не)традиционные обменные практики как социальный механизм ликвидации дефицитов на Таймыре

Особенности поселка Сындасско — преобладание коренных жителей, принадлежащих к одной этнической группе, и малая ротация населения за счет приезжих — делают его идеальным примером для рассмотрения реципрокных и редистрибутивных обменных практик, которые принято описывать как «традиционные». Для начала следует обратиться к описаниям отношений обмена, которые были характерны для жителей этого региона в прошлом — именно через апелляцию к ним (а также обменным отношениям, характерным для других сибирских групп) современные исследователи категоризируют те или иные практики как «традиционные».

В этнографических источниках начала XX в., посвященных долганам, отсутствуют систематические описания обменных отношений, однако встречается несколько подробных описаний отдельных практик, в частности представления о необходимости перераспределения продуктов промысла между проживающими совместно и необязательно родственными между собой людьми, объем которого варьируется в зависимости от сезона охоты и состава группы:

Каждый охотник, живущий в коллективе, т.е. внутри летней кочевой группы, убивая дикого оленя, обязан отдавать шкуру и мясо семьям своей кочевой группы, оставляя себе лишь голову и шеину. Продукция рыбной ловли подлежит обязательному разделу только летом, зимою же исключительно потребляется самим охотником, хотя дикие олени, убитые зимой, не представляют такого исключения. Если охотник отделяется от своей кочевой группы и уходит кочевать только со своей семьей, что обычно случается под осень, звери и рыбы, добытые им, не подлежат разделу [Попов 1937: 190].

А.А. Попов также пишет о перераспределении пищи и оленей в кризисных ситуациях от более обеспеченных оленеводов к менее обеспеченным, причем это обязательство простирается

за пределы своей кочевой группы и распространяется также на соседние [Попов 1934: 126]. Кроме того, он фиксирует у долган систему дарообменов, характеризующуюся отложенным отдаванием [Попов 1934: 128–129]. Сведений об обменах с внешними для сообщества людьми у А.А. Попова практически нет, за исключением короткого замечания о том, что перераспределяемые рыба и мясо были ресурсами для внутреннего потребления, а шкурки песца, будучи коммерческим ресурсом, не подлежали редиистрибуции и, наряду с ловушками на песца, *пастями*, считались личной собственностью [Попов 1937: 167]. Однако это говорит скорее о существовавших установках по поводу предмета этнографического описания, чем о реальном преобладании «традиционных» практик. В связи с этим рассмотрение современными исследователями обменов и дефицитов только «традиционного» типа [Дьяченко 2005: 171–191; Ziker, Schnegg 2005] или интерпретация ситуации сосуществования рыночных и нерыночных экономических практик как принципиально новой [Ventsel 2005; Кадук 2017] связаны преимущественно с устоявшимся канонem их описания. В этом разделе будет предпринята попытка показать, что при рассмотрении всего спектра обменных практик в поселке такое строгое разграничение «традиционных» и «рыночных» обменов с точки зрения как механизма их работы, так и предметов и услуг, участвующих в них, не кажется убедительным.

Не все обменные практики связаны с локальными дефицитами, однако в рамках этого раздела нашей задачей является рассмотрение всего разнообразия обменов с тем, чтобы поставить практики восполнения дефицитов в более широкий контекст и показать, что они с точки зрения задействуемых социальных механизмов являются частным случаем локальной устоявшейся системы обменов. Среди существующих ныне в Синдасско практик обмена можно выделить несколько наиболее распространенных типов. (1) *Отложенными* обменами мы называем практики перераспределения имеющегося ресурса между не живущими совместно членами социальной сети или намеренного его приобретения для них, а также взаимного обмена услугами. Чаще всего сеть выстраивается на основании близкородственных отношений внутри поселка и за его пределами, однако в нее могут включаться люди, связанные разнообразными отношениями: от соседства или товарищества по школе-интернату до гостевания заезжих исследователей.

Частным случаем таких обменов являются практики редиистрибуции, при которых более нуждающиеся члены социальной сети (пожилые, одинокие, не имеющие возможности рыбачить и охотиться) получают ресурс безвозмездно. Ответный жест в цепи отложенных обменов обычно предполагается, но

не должен происходить непосредственно после получения дара и обязательно эквивалентен предшествовавшему дару. В частности, эта черта отличает их от (2) *коммерческих* обменов, устанавливающих преимущественно со специализирующимися на торговле внешними для поселка людьми. Тем не менее некорректно было бы расценивать эти отношения как исключительно торговые в связи с тем, что во многих случаях они представляют собой бартерную сделку, соотношение обменываемых ресурсов (обычно рыбы, мяса дикого оленя или бивня мамонта) в которой хоть и оговорено заранее, однако не является неизменным для других сделок с участием тех же ресурсов, а обменные отношения выстраиваются на основании длительного время поддерживаемых социальных связей. Отдельно выделяется также (3) взаимодействие жителей поселка с такими внешними для них, но в то же время регулярно оказывающимися в поселке и его окрестностях фигурами, как *вертолетчики, экспедиционщики* — сотрудники геологических исследовательских партий и вахтовые работники, а также якутские *лекари и шаманы*, ежегодно в зимнее время совершающие «рабочий выезд» на Север. Такого рода обмены обычно окказиональны, специфичны в отношении участвующих в них ресурсов и могут включать и элементы бартерной сделки, и проявления установки на реципрокность. Рассмотрим подробнее каждый из перечисленных типов.

Предметами обмена *отложенного* типа могут выступать как рыба и мясо (и в этих случаях очевидны параллели с историческими описаниями «традиционных» обменов), так и множество других ресурсов, например «покупные» продукты и их особая подкатегория — «свежести» (овощи, фрукты, молочные продукты, яйца), алкоголь, одежда, хозяйственные товары, снегоходные детали, а также воспитание детей, помощь в починке техники, замена родственника на работе, возможность остановиться на ночлег. Такого рода отношения поддерживаются как внутри поселка, так и между населенными пунктами, нередко на значительном расстоянии, вплоть до обменов жителей Сын-даско с членами своей социальной сети, проживающими в Санкт-Петербурге. При этом механизм функционирования *отложенных* обменов в обоих случаях сходен: и во внутрипоселковых, и в дистанционных обменах не предполагается непосредственного ответного жеста и обязательного равного баланса — так, более обеспеченные родственники (несмотря на всю приблизительность такого рода оценок) очевидно отдают чаще и больше. Однако сами предметы обмена во внутрипоселковых и дистанционных *отложенных* обменах отличаются, и во втором случае специфичны тем, что зачастую взаимно ликвидируют структурные дефициты. Например, таким образом

восполняется потребность в оленине в городе или отсутствие у трудоустроенных горожан бюджета времени на воспитание детей, с одной стороны, и «свежестей» или возможности получения банковских услуг в поселке — с другой.

Межпоселковые обмены такого типа специфичны тем, что обычно они осуществляются между жителями населенных пунктов (и тундровых стойбищ) разного масштаба, которым зачастую присущ разный образ жизни и доступен разный спектр ресурсов, что помогает ликвидировать дефициты на обоих концах. Если обратить внимание на предметы обмена, мы увидим, что принципиальной разницы между «традиционно» перераспределяемой промысловой продукцией и товарами промышленного производства нет. Хорошим примером могут служить обменные практики Анастасии¹ (1966 г.р.), проживающей в соседнем якутском поселке Юрюнг-Хая и выросшей в сындасской тундре с родителями, до сих пор продолжающими кочевать:

[Родители] же без меня совсем там сдохнут. Постоянно сахар, масло, мука, макаронны, все такое <...>. Так мама уже и привыкла: «Ася, отправь!» То ей варенье, то ей вареники, то ей сгущенки. Ой, она масла столько ест! Ужас! Вроде ящик отправишь перед Новым годом, и февраль не пройдет — отправь масло. Я говорю, ты чего, его там ложками что ли ешь, масло? И я масло пяти-шестикилограммовое месяца три ем, так она вообще месяца не проходит — уже отправь да отправь. Я говорю, мама, хватит из меня, говорю, магазин оптовый делать, ты всем не раздавай!

Примечательно, что отправляемые дефицитные продукты подлежат вторичному перераспределению среди родственников ее матери, чего обычно не случается в ситуации внутрипоселкового обмена, однако абсолютно типично в случае дистанционного.

Коммерческие обмены опираются на социальные сети другого рода — они всегда представляют собой взаимодействия с внешними для поселка людьми, с которыми тем не менее устанавливаются отношения доверия², но при этом они характеризуются четко оговоренным соотношением обмениваемых ресурсов. Сделки такого типа осуществляются как в денежной, так и в бартерной форме, и при этом разнообразны по географии проведения:

¹ Все имена информантов изменены.

² Такие черты торговли в небольших северных поселках и тундре, как высокая интегрированность *коммерсантов* в локальном сообществе и необходимость установления отношений доверия, уже отмечались исследователями на материале Ямала [Stammler 2011] и северной Якутии [Ventsel 2011].

Зимой мы везде. Коммерсантам сдаем. С Новорыбного, с Юрюнг-Хая еще якуты приезжают, им за деньги продаем, за бензин, за продукты. За буран [снегоход], за двигатели новые всякие. Им даем. Берут, приносят нам... Продукты и бензин. За мясо тоже можно... Продать. Бензин купить. Продукты. Патроны купить можно. За мясо (м., 1990 г.р.).

Коммерческими ресурсами в поселке являются оленина, рыба, бивни мамонта, а также (в меньшей мере) рога и панты оленя. В случае бартерной сделки в качестве приобретаемых ресурсов выступают снегоходы и другая техника, запчасти для них, бензин (или служащий заменой бензина газоконденсат), солярка, моторное масло, снасти, патроны, стройматериалы, продукты и хозяйвары. Часть продуктов, а также снегоходные детали и масло доступны и в поселке — в единственном официально существующем магазине и у частных торговцев. Среди этих товаров почти все можно получить с помощью бартерных сделок, единственный товар, доступный только за деньги, — бензин из Хатанги. Выбор между денежной и бартерной сделкой зависит от актуальных нужд домохозяйства — второму варианту отдается предпочтение при необходимости получения того или иного дефицитного ресурса:

Они предлагают, допустим... гусеницы. Мы берем тогда гусеницы. Вот. А здесь и не купишь гусеницы нигде. Вот и за рыбу приходится брать. Вот. Запчасти какие-нибудь есть, все равно заказывать. Это, бензин за, за это... рыбу берем тоже. Всё... Проигрываем, но все равно берем, ну куда денешься, без бензина-то ни... никуда не денешься (Евдоким, 1949 г.р.).

Договоренность об условиях обмена в случае бартерной сделки достигается заблаговременно по телефону. Несмотря на то что договоренность не скрепляется юридически, нарушение обычно не допускается. Так, договорившийся на сделку со знакомым коммерсантом на невыгодных для себя (как позднее выяснилось из обсуждений с односельчанами) условиях Евдоким все же предпочел эту сделку осуществить:

[Мы обсудили по телефону, что] советский снегоход за столько-то. Столько-то, столько-то стоит, вот. [За] две с половиной тонн[ы рыбы мне привезет] его. Разговариваю. Чуть позже... И он привез мне вот, мне. А тот другой [односельчанин] раз за две тонн[ы договорился], оказывается, [снегоход]... Заказал. И за две тонны привез. Я, потом я узнаю, что у него, он за две тонны... и давай заводить ему: давай скидывай, говорю, мне пятьсот килограмм рыбы той. «Нет, ты сказал две с половиной», всё, я еще его буду... Ну пришлось так заплатить. Пятьсот килограмм подарить и спать [спокойно].

Таким образом, можно говорить о наличии неформальной этики взаимодействия и в обменах *коммерческого* типа.

Обмены третьего типа — с заезжими специалистами — могут принимать разнообразные формы. Важной общей характеристикой во многих случаях является ограниченность взаимодействия: с пилотами вертолетов непосредственный контакт во время прилета рейса редко превышает десять минут, однако состав летного подразделения годами практически не меняется, и это позволяет устанавливать отношения на расстоянии; с сезонными и вахтовыми работниками, напротив, он может быть более длительным, но обычно не продолжается после их отъезда. Для отношений с ними первичен обычно коммерческий обмен (например, сколь угодно теплые дружеские отношения с *экспедиционщиком* не станут причиной специальной к нему поездки), однако они заметно отличаются от отношений с коммерсантами иным балансом обмена и зачастую пренебрежением к его эквивалентности со стороны жителей поселка.

Предметами обмена с вертолетчиками обычно выступает рыба, с одной стороны, и водка — с другой: за мешок рыбы *вертолетчики* расплачиваются с жителем поселка одной-двумя бутылками водки. Такой очевидным образом невыгодный в пересчете на денежный эквивалент обмен тем не менее привлекателен для некоторых жителей (и стигматизирован другими) в связи с тем, что он является способом получения алкоголя непосредственно в поселке и без задействования наличных денег — комбинация, невозможная при получении этого ресурса из какого бы то ни было другого источника. Кроме того, существует и менее стигматизированная форма обменов с вертолетчиками — мешок рыбы позволяет при контроле в аэропорту избежать платы за перевес (измеряющийся обычно десятками килограммов).

Сходным образом устроен обмен с *экспедиционщиками*, останавливающимися возле поселка по пути на вахту и обратно в пределах видимости с тем, чтобы жители поселка выехали к ним для совершения обмена, предметом которого чаще всего выступают также мешки рыбы и водка. Однако несколько иначе выглядят отношения с *экспедиционщиками* в местах их работы — взаимодействие оказывается значительно более длительным в случае, если место их изысканий находится вблизи охотничьих *точек*. Репертуар обмена услугами между ними весьма разнообразен: он включает транспортировку вездеходов для экспедиций местными жителями, совместную охоту, когда *экспедиционщики* живут на охотничьих *точках*, а жители поселка — на базах *экспедиционщиков*, и даже ocasionальное использование бани на базе кочующей неподалеку семьей. В то

же время нельзя говорить о включении *экспедиционщиков* в редистрибутивную сеть — встречи весьма окказиональны и не влекут продолжающихся отношений на расстоянии.

С *лекарями* и *шаманами*, приезжающими на Таймыр из Якутии, у жителей поселка складываются длительные отношения: обычно это одни и те же люди на протяжении многих лет, и даже в случае приезда кого-то нового, он за редкими исключениями приезжает с задействованием социальных сетей, чаще всего по рекомендации постоянно приезжающего *лекаря*. Ритуальные специалисты обычно проживают в гостях у местных жителей, и плата за постой с их стороны не предполагается. При этом отношения между ними и жителями поселка, несомненно, гораздо сложнее, чем просто оказание медицинских или ритуальных услуг. Они продолжаются и дистанционно, чаще всего в форме консультирования по тем или иным спорным вопросам. Кроме того, в некоторых случаях *лекари* в качестве ответной услуги приглашают жителей Сындасско на постой в Якутске, и многие этим приглашением пользуются. В более тесные отношения с ритуальными специалистами вовлечены лишь некоторые семьи, однако в этих случаях в определенной мере можно говорить о включении *лекарей* и *шаманов* в систему «отложенных» обменов.

Итак, рассмотрение обменных практик в Сындасско позволяет нам проследить стратегии восполнения дефицитов (как товаров, так и услуг) с точки зрения имеющихся в распоряжении жителей социальных механизмов, которые невозможно однозначно определить ни как «традиционные», ни как рыночные: при обменах любого типа местные жители руководствуются сложным сочетанием социальных предписаний, отношений доверия, расчета издержек и максимизации прибыли, комбинированием денежных и безденежных форм обмена. При этом принципиально важно, что вне зависимости от характера дефицита (например, промтовары ли это, мясо или помощь с ремонтом техники) задействуются одни и те же социальные протоколы его восполнения. Таким образом, невозможно противопоставлять «традиционные» и «модерные» обмены и практики восполнения дефицитов ни с точки зрения участвующих в них предметов, ни с точки зрения их механизмов.

Оценка и преодоление локальных дефицитов на Камчатке

В предыдущем параграфе в фокусе нашего внимания были обменные практики, в *том числе* используемые для ликвидации дефицитов. В этом разделе в центре внимания будут дефициты, преодолеваемые в *том числе* посредством обменных практик. На фоне условных (воображаемых) городов поселки имеют

устойчивую нарративную репутацию пространства дефицита: товарного, инфраструктурного, событийного¹, — причем таким образом оцениваются не только небольшие села, но и районные центры, например столица Олюторского района Камчатки поселок Тиличики.

Соб.: Вы сказали такую интересную фразу, что Тиличики — это деревня, колхоз. Что имели в виду?

Инф.: Ну потому что деревня. Ну не знаю. Ну нету ничего. Церковь и то работает там через раз. Ну... потому что ничего здесь не купить. Ребенок маленький — элементарно, даже эти памперсы не всегда есть. Смесь — это вообще. То есть ее надо заказывать в город. <...> Лекарства этого же, допустим, простого может не быть в аптеке. Почему — потому что либо самолет не прилетел вовремя, либо вовремя не загрузили, либо вовремя не заказали (ж, 1983 г.р.).

Здесь не хватает цивилизации. <...> Здесь... Поставки не... ходят в норму. Здесь вообще закрыта связь от внешнего мира. То есть даже сотовая связь — и та плохо работает. Цены тоже завышены (м, 1990 г.р.).

В приведенных цитатах характеристика поселка укладывается в дихотомию *деревня / цивилизация*, где условная *деревня* ассоциируется с систематическим отсутствием (жизненно) важных товаров, нерегулярностью предоставления услуг, зависимостью снабжения от схем завоза и функционирования транспорта (в данном случае наиболее дорогостоящего его вида — авиасообщения), а также переживанием изолированности, обусловленной в том числе отсутствием такого мощного символа связанности, как наличие сотовой сети, и оторванностью от *цивилизации* как воображаемого пространства, где все эти проблемы либо не существуют, либо могут быть решены (например, отсутствующий товар всегда можно «заказать в город»). Показательно, что процитированные выше интервью были проведены с жителями Тиличики, которые переехали в поселок относительно недавно: в первом случае уроженка Перми приехала в Тиличики в 2009 г. по приглашению подруги, вышла замуж и на 2015 г. работала продавцом в магазине; во втором — уроженец Петропавловска-Камчатского переселился в поселок по предложению жены, уроженки Корфа, менее года назад (в декабре 2014 г.), чтобы «набирать стаж», и в 2015 г. работал специалистом районной администрации. Несмотря на критику определенных поселковых недостатков, оба информанта по разным причинам не планировали в ближайшее время покидать Тиличики: так или иначе благодаря друзьям

¹ Подробно об этом см.: [Лярская, Гаврилова 2020].

и супругам на 2015 г. они были интегрированы в пронизывающие поселок социальные сети, а значит, уже владели навыками в области ликвидации дефицитов. Можно предположить, что длительный контрастный опыт проживания в городах или южных регионах страны делал камчатские недостатки для них особенно очевидными, что, несомненно, влияло на риторику (например, на использование оппозиции *деревня / цивилизация*), но тем не менее не требовало решения о скором отъезде.

Многие другие жители (в том числе уроженцы) Тиличиков подобные дефициты воспринимали не как показатель отсутствия «цивилизации», но как *непроблематизируемую норму*, которой соответствует устойчивый спектр компенсационных стратегий. Как правило, в практике каждой семьи разным типам недостающих / дорогостоящих товаров или услуг соответствуют разные стратегии их выгодного получения. Одни товары чаще всего приобретаются в селах района (например, оленина), заказываются через интернет и доставляются по почте (например, одежда), закупаются на городских оптовых базах (например, крупы или консервы) или достаются бесплатно, в качестве дара (например, рыба). Такие практики, как отложенное получение услуг во время выезда в город или превентивные закупки во время отпуска, известны всем жителям Тиличиков и чаще всего ориентированы на медицинские обследования детей или приобретение промышленных товаров (от одежды на несколько сезонов до закупки бытовой химии на полгода вперед)¹. Тем не менее говорить об устойчивой корреляции между ситуативной «типологией» товаров и стратегиями их приобретения нельзя, скорее существуют *тенденции*, например, преимущественной закупки мяса и предпочтения «городской» медицины. Безусловно превалирующей тенденцией можно считать получение различных недостающих товаров благодаря обращению к социальным сетям, существующим в поселке и протягивающимся за его пределы. Каким образом в рамках одной семьи складывается мозаика получения / потребления товаров и услуг, доступ к которым так или иначе затруднен, мы продемонстрируем на примере семьи жительницы Тиличиков Влады (1989 г.р.) и нескольких других семей.

Соб.: *Где покупаете в основном еду и одежду?*

Влада: *Я заказываю в город. В основном в город. Ну так, такие вещи некоторые, как сахар, вот соль. <...> Мясо какое-то прикупить — это мы всё здесь. В Тиличиках. А так, в основном,*

¹ Подобные практики характерны для Камчатского края в целом, как и для большинства северных территорий РФ, см.: [Змеева 2010; Васильева, Карасева, Болотова 2020].

вот муку, сахар — мешками. Одежду тоже в город. <...> Там всё покупают. У меня брат работает на судне двоюродный. И он... довозит нам.

Соб.: *А кто там закупает в Петропавловске для вас?*

Влада: *Сестры. Сестры и невестки у меня там две. <...> Намного дешевле, конечно. Если на базе закупаться — во-первых, там цена ниже. У [брата] своя машина, свой привоз на судно. И на судне без проблем он привозит. Так что... У нас, по крайней мере, такая возможность есть. <...> Нам заготавливает моя родня рыбу. Нам хватает одного бака. Потому что у меня особо дети соленую не едят. Сухую нам заготавливает у мужа родня. Вот в Хаилино. А все остальное — вот как [соленую] и свежую рыбу — это уже заготавливают нам здесь.*

Долгохранящиеся продукты домохозяйство Влады, включавшее на момент интервью также ее мать, мужа (1984 г.р.) и двоих дочерей, заказывало в краевом центре, где благодаря более низким закупочным ценам оптовых баз, а также возможности оперативно доставить товар в Тиличики во время летней навигации, приобретать сахар, соль, крупы, макароны, овощи (капусту, лук, морковь), а также одежду представлялось выгодным. Постоянные закупки были возможны благодаря проживанию в Петропавловске многочисленных родственников Влады, которые брали на себя усилия по подбору, оплате, транспортной логистике. Так, связь двоюродного брата с судном снабжения, позволяющая ему самостоятельно загружать товар или контролировать его провоз, оценивалась Владой как однозначное преимущество, которым многие жители Тиличиков не располагали. Схема закупки с опорой на социальные связи с городом была характерна для многих молодых семей Тиличиков. В одних случаях закупки осуществлялись постоянно проживающими в столице родственниками, «знакомыми» или выехавшими в отпуск родителями, в других (что было менее выгодно) товар заказывался через местные магазины, также покупающие продукты в городе и доставляющие их в летнюю навигацию:

У нас пароходы, снабженцы все равно сюда ходят. Которые поставляют товар в магазины. И на частное лицо они так же доставляют товар сюда. <...> Чем закупать даже через тот же наш магазин, чтобы они просили. Просто чтобы они лично на тебя заказывали. Оно выходит дешевле, если ты будешь заказывать через знакомых (ж, 1992 г.р.).

Получение таких товаров, как мясо (оленина) или рыба, зависело от интеграции в социальные сети, функционировавшие в Тиличиках и северных поселках Олюторского района, или,

в случае покупки дорогостоящей оленины, локального знания о том, где и каким образом она может быть приобретена. Чаще всего оленину реализуют местные оленеводческие хозяйства, а жители закупают (и замораживают) ее впрок на полгода или год¹; реже оленина, подобно рыбе, достается жителям Тиличиков по семейным сетям. Молодым людям, живущим в Тиличиках, и мясо, и рыбу могут «заготовливать» и «присылать» родственники из оленеводческих сел или специализирующиеся на промыслах. Так, для семьи Влады свежую и соленую рыбу заготовливала родня из Тиличиков, а юколу — родственники по мужу из Хаилино; уроженки Ачайваяма Алиса (1986 г.р.) и Дана (1985 г.р.) держали в своих квартирах в Тиличиках «морозилки на полтонны», чтобы хранить рыбу и мясо, которые регулярно присылали им из Ачайваяма, и если Алиса летом выезжала на рыбалку и часть рыбы заготовливала самостоятельно, то Дана полностью зависела от продуктов, которыми обеспечивала ее мать — глава территориально-соседской общины КМНС в Ачайваяме. Как правило, такие поставки описывались рассказчиками как дар родственников. В перспективе же функционирования социальных (родственных) сетей эти «дары» продуктивно рассматривать как один шаг в географически растянутой, чаще всего отсроченной по времени цепочке обменов товаров на товары или товаров на услуги, аналогичной механизму отложенных обменов, который описан на примере Сын-даско.

Например, родня Влады из Тиличиков и Хаилино заготовливает для ее семьи рыбу, которая впоследствии частично остается в Тиличиках, а частично перераспределяется в пользу родственников, проживающих в Петропавловске, которые, в свою очередь, регулярно помогают Владе приобретать недостающие / дорогостоящие товары и переправлять их в поселок, т.е. участвуют в обмене посредством услуг или вещей, доступных городскому жителю. Влада выполняет регулярную или ситуативно необходимую работу по уходу (контролю) за родственниками, проживающими как в Тиличиках, так и в Хаилино. Так, два с половиной месяца Влада вместе с мужем и детьми прожила в родном поселке мужа Хаилино, где необходимо было обжить недавно полученную мужем квартиру и присмотреть за старшей родственницей («Там и бабушка у него. Унегошняя, тоже присмотреть. Бабушка неходячая»). Вернуться в Тиличики молодых людей заставили драматические изменения конфигурации семейной сети: в мае 2015 г. умерла одна из сестер Влады, после

---

¹ Например, в 2015 г. ГУП ПО «Камчатоленпром» продавал 1 кг мяса за примерно 450 руб. (ж. 1992 г.р., Тиличики), а семья Влады в декабре 2014 г. приобрела «небольшую» тушу оленя за 26 тыс. руб.

чего обязанность оставаться с матерью закрепились за Владой, а не за ее двумя старшими сестрами, которые проживали в городе. Показательно, что Влада не рассматривала обратный переезд как проблему: «В конце мая, 27 числа, умерла младшая сестра моя родная. И после этого нас... во-первых, выдернули с Хаилино. И уже сейчас, на нынешний момент, [мама] никуда не отпускает. <...> Я буду здесь. Пока младший [ребенок] не вырастет. Хотя бы до лет пяти». Более того, новая конфигурация проживания позволяла семье более эффективно распределить финансовую и социальную нагрузку между членами: в июле 2015 г. Влада планировала уйти в декретный отпуск и остаться в Тиличихах, где в уходе за детьми ей могла бы помочь мама, соответственно муж Влады в августе собирался переехать в Петропавловск и устроиться на работу по рекомендации городских родственников.

Присмотр за родственниками, которые проживают в поселке и рассматриваются членами семейной сети как требующие особой заботы в силу возраста или проблем со здоровьем, регулярно становится той услугой, которую оказывают поселковые жители своей городской родне (точно таким же регулярным вкладом горожан является возможность гостить у них в городе). Забота внутри расширенной семьи, таким образом, актуализирует локальные участки семейной сети, направления обмена внутри них и маркирует близость конституирующих их родственников. Так, в 2015 г. в одном из камчатских поселков незамужняя женщина около 55 лет по имени Ирина проживала отдельно в собственном доме, но при этом была тесно связана с семьями своих младших сестер, также проживающими в поселке. Если она ехала в отпуск, то брала с собой не только родную дочь (на 2015 г. проживавшую в Петропавловске), но и племянников, и даже двоюродных внуков. В поселке детям и внукам сестер разрешалось приходить к ней домой в любое время и без предварительного разрешения брать вещи, продукты в холодильнике или ягоды в огороде, а также готовить для себя или просто проводить время у телевизора. В случаях же, когда Ирина не справлялась с давней алкогольной зависимостью (что отслеживалось по ее отсутствию на работе), вся поселковая сеть родственников включалась в активный мониторинг ее состояния. Имея доступ к ключам от дома, сестры и племянники устанавливали очередность и посещали Ирину, чтобы оказать помощь, оценить здоровье и, что немаловажно, передать информацию далее по сети, в том числе дочери, регулярно звонившей из Петропавловска, но не имевшей возможности проверить состояние Ирины лично, ведь у нее, в отличие от поселковой родни, не было преимущества близкого проживания.

Общей чертой рассмотренных выше практик компенсации поселковых недостатков посредством интенсивного обмена внутри сетей следует признать восприятие и обменов, и дефицитов как *нормы*. Отсутствие в поселке больших магазинов или доступа к сфере социального обеспечения не означает, что из поселка нужно уезжать: устойчивый на уровне сообщества спектр компенсационных стратегий позволяет рассматривать дефицит как свойство места, которым легко управлять, особенно тем жителям, которые проживают в поселке давно и/или планируют длительное пребывание и потому стремятся к интеграции в локальные сети. Для разных локальностей характерен доступ к разным продуктам или разным ценам на одни и те же продукты. Так, по мере продвижения от Петропавловска вглубь Олюторского района цены на базовые продукты, вроде сахара или муки, будут расти из-за затрат на транспортировку, а доступ к таким скоропортящимся товарам, как молоко или свежие овощи, снижаться. Обмены между населенными пунктами «разных специализаций» регулярно совершались и на современном этапе (рыба из Тиличииков отправлялась в город с каждым авиарейсом, а обратно регулярно передавались «свежести»), и в исторической перспективе, что прослеживается по этнографическим источникам дореволюционного и советского времени¹. Более того, в некоторых случаях *отсутствие* устойчивого обмена внутри локальных / родственных сетей могло рассматриваться как *ненормальное* явление — показатель финансовых трудностей, с которым столкнулось одно из «звеньев» сети. Алиса (1986 г.р.) об отправке из Тиличииков посылок в Ачайваям:

---

¹ Следует указать на типологическую близость практик обмена, например, между корякскими оленеводами и рыбаками в имперский период:

Как только выпадает снег и установится санный путь, оленные коряки на нартах появляются в приморских селениях, чтобы получить «морскую пищу», и выменивают целые туши мороженых тюленей, жир, кету и кожу белух. У каждого оленного коряка есть среди приморских жителей приятель, снабжающий его морской пищей, который, в свою очередь, позднее посещает стойбище оленевода, чтобы получить оленину [Иохельсон 1997: 111] (см. также об обмене с купцами: [Иохельсон 1997: 206–207]; об обменах с представителями соседних этнических групп: [Иохельсон 1997: 223–224]).

Отдельный интерес представляют советские оценки товарных недостатков у населения Корякского округа в том числе как *дефицита институционального / инфраструктурного*, например экспертами-этнографами нехватка тех или иных элементов «традиционного» рациона местного населения квалифицируется и как провал советской системы снабжения, и как нарушение обменных механизмов между локальными сообществами разной промысловой специализации. Ср.:

[Б]ереговые коряки в настоящее время далеко не всегда имеют и оленье мясо, т.к. оленеводческие совхозы сдают мясо централизованно, а оленеводческих колхозов мало, и обмен продукцией между ними и рыбаковскими корякскими артелями не налажен. <...> В связи с этим население переходит с мяса и жира на хлеб и такие дорогие продукты, как консервы, концентраты. <...> Разрыв древних традиционных связей между береговой корякской культурой и кочевой тундровой отрицательно влияет на быт и хозяйство коренного населения. Необходимо наладить обмен продукцией между береговым и тундровым населением [Гурвич 2004: 152–153].

Например, я делаю посылку бабушке. Ну такой — конфеты. Рафинад. Потому что если я не отправлю — она уже такая старая бабушка, она с палкой идет — каждый вторник она просто идет в аэропорт. Если ей нету никакой посылки — у нее истерика. <...> Она такая говорит: «Вот. Алиса в эту неделю мне ничего не отправила. В ту ничего не отправила. Значит у нее все плохо. <...> Отправляйте ей всю пенсию. Отправляйте ей, на фиг мне эта пенсия не нужна».

Итак, рассмотренные схемы компенсации дефицитов опираются на семейные, дружеские, поселенческие сети, относящиеся к разным локальностям (город, районный центр, небольшой поселок), а также на многоходовую систему обменов товарами и услугами, локальные знания (например, о правилах «заказов в город») и долгосрочное планирование. В своем предельном выражении опора на социальные сети может почти полностью обеспечивать ежемесячное потребление (по крайней мере продуктивное) молодой семьи. Например, домохозяйство Даны (1985 г.р.) в Тиличиках, включавшее мужа и ребенка, получало мясо, рыбу и овощи от родственников из Ачайваяма, муку, сахар и одежду присылала мать Даны, половину года проживавшая в Петропавловске, молоко и соки предоставляла свекровь Даны, работавшая в рентгенкабинете Тиличиков и получавшая эти продукты как компенсацию за «вредные условия труда», и т.д. Дана осознавала, что без помощи родственников, главным образом родителей с обеих сторон, они с мужем не смогли бы совершать требуемые покупки, отдавать кредит и откладывать деньги (например, на ремонт квартиры):

Опять же у бабушек, у дедушек. Присылают всё. <...> То есть помощь от них как бы исходит. Вся помощь. <...> Без них мы, наверное, не смогли бы так быстро отдать кредит там. За два года. Да, опять же? Поэтому они во всем вот. Максимум одевают ребенка. То есть не мы одеваем, они одевают.

Ответственность за обеспечение молодых членов семьи всем необходимым становится, в свою очередь, формой социальной инвестиции в будущее семьи ввиду устойчивости практик заботы о старшем поколении.

Выводы

Мы описали и проанализировали спектр явлений, связанных с социально-экономической сферой двух поселков, но настолько растворенных в рутинном взаимодействии людей, привычных и зачастую не отрефлексированных, что простое выделение их из потока повседневности и категоризация как отдельного социального феномена оказываются аналитической операцией.

В фокусе нашего внимания находилась компенсация дефицитов товаров, услуг и инфраструктур, осуществляемая посредством обращения к социальным сетям, делающим возможным непрерывное движение вещей, людей и информации. Преодоление дефицитов производится посредством общепринятых обменных и распределительных механизмов: для получения и «свежестей», и мяса, и некоторых отсутствующих услуг в сообществе выработан определенный порядок действий — своеобразный социальный протокол, позволяющий систематически ликвидировать дефицит вещей или «достраивать» дефицитную инфраструктуру. Категория *обмен* является в той же мере аналитической (операциональной и обобщающей), что и *дефицит*. Практики, описанные нами, могут квалифицироваться жителями поселков как обмен, одаривание, распределение или не рефлексироваться (не обозначаться) вовсе, и тем не менее все они предполагают предоставление товаров или услуг членам сети и получение чего-либо взамен, причем последовательность этих операций чаще всего разнесена во времени (ср. *отложенные* обмены).

Устойчивой корреляции между разными «типами» дефицитов и практиками их преодоления установить невозможно. Сложная конфигурация непрерывного обмена товарами и услугами внутри нестрого отграниченных друг от друга социальных сетей приводит к тому, что экономика социальной единицы (в наших материалах — домохозяйства, состоящего чаще всего из близких родственников) складывается как «мозаика» получения отсутствующего из социально и географически разных, но согласованных в своей «работе» источников. Воображаемая цепочка многосоставных обменов простирается от непосредственного источника промышленной продукции (небольшого поселка или тундровых стойбищ) к источнику доступных «магазинных» продуктов (условному городу) и обратно. В камчатском поселке Тилички обеспечение продуктами питания требует привлечения участков сети, локализованных как в северных оленеводческих или рыболовецких поселках, так и в столице края и использующих ресурсы профессиональной включенности одних членов сети (например, в работу судов, снабжающих район) и факторы близости проживания других (например, при обеспечении ухода за родственниками).

Безусловно, некоторые из описанных нами практик повсеместно распространены в российском контексте, в то время как другие локально специфичны. Так, с одной стороны, осуществление пожилыми людьми присмотра за внуками частотно и в селах, и в городах, а инфраструктурный дефицит детских садов в городах может быть более проблематичным, чем в поселке. С другой стороны, обмен услуг по присмотру за ребенком

на покупку недоступных / дорогостоящих свежих овощей или непроговариваемая *обязанность* перераспределять оленину в пределах семейной сети отражают скорее специфику описываемых нами мест и сообществ.

Случай таймырского поселка Сындаско демонстрирует, что непродуктивно и невозможно проводить границы между «традиционными» и «рыночными» экономическими практиками. Реципрокные и редистрибутивные отношения, приемы рационализации издержек, денежные и безденежные обмены проблематично сочетаются в экономических стратегиях поселковых семей, в совокупности позволяя ликвидировать существующие дефициты товаров (*коммерческие и отложенные обмены*, а также *обмены с приезжими*) и услуг (*отложенные обмены*). То же справедливо и для случая Тиличиков: современный обмен магазинных товаров, доступных / более дешевых в районном центре, на мясо / рыбу, заготавливаемые в удаленном поселке, вполне укладывается в схему «традиционного» обмена продуктами разных локальностей, несмотря на то что оперирует он «нетрадиционными» товарами (вроде конфет или свежих огурцов) и обусловлен в том числе инфраструктурным дефицитом в маленьком поселке. Различие между обменными практиками в двух проанализированных случаях лежит в разной степени отрефлексированности и проговоренности местными жителями социальных предписаний (что особенно очевидно в случае императива перераспределения в Сындаско), однако сами установки на *гарантированность* обеспечения расширенной семьи, прежде всего продуктами питания, в обоих поселках сходны.

Продуктивным в этом контексте оказывается также рассмотрение *услуг*, причем как актуальных и/или регулярных (например, снятие денег в банкомате районного центра в обмен на мясо / рыбу), так и «гарантированных», гипотетических (например, молодым людям позволяет без спроса забирать продукты из дома старшей родственницы, потому как именно они будут ухаживать за ней в случае необходимости). Несмотря на то что содержание дефицитов меняется (и в этом смысле отсутствие в поселке банкомата — предельный пример «модерного» инфраструктурного дефицита), порядок обменов типологически сходен с «традиционными» практиками. Показательно также, что в низовые практики компенсации, в том числе посредством обменов, включаются только те (инфраструктурные) дефициты, которые воспринимаются как принципиально достраиваемые, например медицинские или продуктовые, в отличие от дефицита качественного жилья и его ремонтного обслуживания, который интерпретируется как невозполнимый собственными усилиями и потому последовательно проблематизируется.

Наконец, наши материалы демонстрируют, насколько стабильной оказывается (и воспринимается) описанная система обменов и практик компенсации дефицитов. В отличие от распространенных интерпретаций неформального экономического взаимодействия и систематических отсутствий в поселках как признаков «кризиса», стратегий «выживания» населения и безусловного повода для переезда из поселков, мы склонны говорить о *нормальности отсутствия* именно в силу отлаженности его компенсации. Иными словами, практики неформального заработка, достраивания дефицитной инфраструктуры или обмена дефицитными благами следует рассматривать не как кризисные стратегии адаптации населения, но как стабильную конфигурацию социальных отношений в поселках, делающую жизнь удобной и *достаточной*. Оценка поселка как *проблемного* пространства дефицита чаще всего свойственна внешним наблюдателям, недавно приехавшим или желающим уехать, не включенным в систему обменов жителям, в то время как постоянно проживающее население или жители, нацеленные на длительное пребывание в поселке, уже интегрированы или стремятся к интеграции в локальные социальные сети, благодаря которым любой дефицит оказывается принципиально преодолимым.

Благодарности

Статья написана в рамках гранта Российского научного фонда № 19-78-10002 «Питание в Российской Арктике: ресурсы, технологии и инновации». Пользуясь случаем, мы благодарим Н.Б. Вахтина и К.В. Истомина за критические замечания и комментарии к статье.

Библиография

- Барсукова С.Ю. Неформальная экономика. Экономико-социологический анализ. М.: ИД Высшей школы экономики, 2004. 446 с.
- Барсукова С.Ю., Радаев В.В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 99–111. doi: 10.17323/1726-3247-2012-2-99-111.
- Васильева В.В., Карасева А.И., Болотова А.А. Мобильность, инфраструктуры и восприятие места // Вахтин Н., Дудек Ш. (ред.). «Дети девяностых» в современной Российской Арктике. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 139–173.
- Виноградский В. «Орудия слабых»: экономика крестьянской повседневности // Шанин Т., Никулин А., Данилов В. (ред.). Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002. С. 294–313.
- Гребер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 528 с.

- Гурвич И.С.* Информация о жизни и быте коряков Корякского национального округа Камчатской области (1957 г.) // Соколова З.П., Пивнева Е.А. (ред.). Этнологическая экспертиза: народы Севера России. 1956–1958 годы. М.: ИЭА РАН, 2004. С. 140–169.
- Дьяченко В.И.* Охотники высоких широт: долганы и северные якуты. СПб.: Европейский Дом, 2005. 272 с.
- Змеева О.В.* «По дороге в отпуск»: жители Кольского Севера в других регионах России // Труды Кольского научного центра РАН. 2010. № 2. С. 40–53.
- Иохельсон В.И.* Коряки. Материальная культура и социальная организация. СПб.: Наука, 1997. 237 с.
- Кадук Е.В.* Рыночный обмен и практики дележа в Анабарском районе республики Саха (Якутия) // Этнографическое обозрение. 2017. № 6. С. 111–127.
- Лярская Е.В., Гаврилова К.А.* «Размер и его значение»: о социальных сетях и социальном комфорте на Ямале и Камчатке // Вахтин Н., Дудек Ш. (ред.). «Дети девяностых» в современной Российской Арктике. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2020. С. 324–398.
- Малиновский Б.* Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004. 584 с.
- Мартынова Е.П.* Дарение, обмен и торговля у оленеводов и рыбаков Ямала // Торговля в этнокультурном измерении: материалы XIV Междунар. Санкт-петербург. этнограф. чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. С. 118–121.
- Москаленко Н.П.* «Очаговый обмен»: взаимопомощь в ближнем круге как форма солидарности в тувинской культуре // Торговля в этнокультурном измерении: материалы XIV Междунар. Санкт-петербург. этнограф. чтений. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2015. С. 136–139.
- Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алтейя, 2002. 320 с.
- Попов А.А.* Материалы по родовому строю долган // Советская этнография. 1934. № 6. С. 116–139.
- Попов А.А.* Охота и рыболовство у долган // Мещанинов И.И. (отв. ред.). Сборник памяти В.Г. Богораза (1865–1936). М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1937. С. 147–206.
- Портес А.* Неформальная экономика и ее парадоксы // Экономическая социология. 2003. Т. 4. № 5. С. 34–53. doi: 10.17323/1726-3247-2003-5-34-53.
- Романов П., Ярская-Смирнова Е.* Трузера и крабы для советского потребителя: будни подпольного капитализма фарцовщиков // Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. (ред.). Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри: сб. науч. ст. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2007. С. 152–169.
- Салинз М.* Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.
- Скорин-Чайков Н.В.* Медвежья шкура и макароны: о социальной жизни вещей в сибирском совхозе и перформативности различий дара

- и товара // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 59–81. doi: 10.17323/1726-3247-2012-2-59-81.
- Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН; Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. 336 с.
- Штейнберг И.* К вопросу об определении сети социальной поддержки на селе // Шанин Т., Никулин А., Данилов В. (ред.). Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002. С. 275–283.
- Duhaime G., Bernard N.* (eds.). Arctic Food Security. Edmonton: CCI Press, 2008. 344 p.
- Gavrilova K.* Temporal Dimension of Attitudes toward Infrastructure and Opportunities for Relocation from the Northern Town: The Case of Kamchatka Krai // *Sibirica*. 2017. No. 3. P. 35–56. doi: 10.3167/sib.2017.160303.
- Harder M.T., Wenzel G.W.* Inuit Subsistence, Social Economy and Food Security in Clyde River, Nunavut // *Arctic*. 2012. Vol. 65. No. 3. P. 305–318. doi: 10.14430/arctic4218.
- Heady P.* Introduction: Care, Kinship and Community — the View from Below // Heady P., Schweitzer P. (eds.). Family, Kinship and State in Contemporary Europe. Vol. 2: The View from Below: Nineteen Localities. Frankfurt am Main; N.Y.: Campus Verlag, 2010. P. 13–59.
- Hugh-Jones S.* Yesterday's Luxuries, Tomorrow's Necessities: Business and Barter in Northwest Amazonia // Humphrey C., Hugh-Jones S. (eds.). Barter, Exchange and Value: An Anthropological Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 42–74. doi: 10.1017/CBO9780511607677.003.
- Humphrey C.* Barter and Economic Disintegration // *Man*. 1985. Vol. 20. No. 1. P. 48–72. doi: 10.2307/2802221.
- Liarskaya E.* “Where Do You Get Fish?” Practices of Individual Supplies in Yamal as an Indicator of Social Processes // *Sibirica*. 2017. Vol. 16. No. 3. P. 124–149. doi: 10.3167/sib.2017.160306.
- Loring P.A., Gerlach S.C.* Searching for Progress on Food Security in the North American North: A Research Synthesis and Meta-Analysis of the Peer-Reviewed Literature // *Arctic*. 2015. Vol. 68. No. 3. P. 380–392. doi: 10.14430/arctic4509.
- Poleshuk C.* Kinship Networks and Mutual Assistance in a Central Russian Village: Their Moral and Practical Basis and the Implications for Social Security // Heady P., Schweitzer P.P. (eds.). Family, Kinship and State in Contemporary Europe. Vol. 2: The View from Below: Nineteen Localities. Frankfurt am Main; N.Y.: Campus Verlag, 2010. P. 409–430.
- Ready E.* Challenges in the Assessment of Inuit Food Security // *Arctic*. 2016. Vol. 69. No. 3. P. 266–280. doi: 10.14430/arctic4579.
- Stammler F.* Capitalism in the Tundra or Tundra in Capitalism? Specific Purpose Money from Herders, Antlers, and Traders in Yamal, West Siberia // Gertel J., Heron R.Le (eds.). Economic Spaces of Pastoral Production and Commodity Systems: Markets and Livelihoods. Surrey: Ashgate, 2011. P. 231–246.

- Trotsuk I., Nikulin A.* Kinship Ties and Family Support in Twentieth-century Russia // Grandits H. (ed.). *Family, Kinship and State in Contemporary Europe. Vol. 1: The Century of Welfare: Eight Countries.* Frankfurt am Main; N.Y.: Campus Verlag, 2010. P. 325–362.
- Ventsel A.* Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village. Münster: LIT Verlag, 2005. 367 p.
- Ventsel A.* Siberian Movements: How Money and Goods Travel in and out of Northwestern Sakha // *Folklore: Electronic Journal of Folklore.* 2011. Vol. 49. P. 113–130. doi: 10.7592/FEJF2011.49.ventsel.
- Ziker J.* Survival Economy and Core-periphery Dynamics in the Taimyr Autonomous Region, Russia // *Anthropology of East Europe Review.* 1999. Vol. 17. No. 2. P. 63–72.
- Ziker J., Schnegg, M.* Food Sharing at Meals // *Human Nature.* 2005. Vol. 16. No. 2. P. 178–210. doi: 10.1007/s12110-005-1003-6.

Exchange Practices and Social Networks as Means of Coping with Shortages in Local Communities of Taimyr and Kamchatka

Valeria Vasilyeva

European University at St Petersburg
6/1 Gagarinskaya St., St Petersburg, Russia /
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
3 Universitetskaya Emb., St Petersburg, Russia /
vvasilyeva@eu.spb.ru

Kseniia Gavrilova

European University at St Petersburg, Russia
6/1 Gagarinskaya St., St Petersburg, Russia /
University of Tyumen
6 Volodarskogo St., Tyumen, Russia
kgawrilova@eu.spb.ru.

The article investigates the social mechanisms underlying the compensation of goods, service, and infrastructure deficits in two northern villages, Syndassko in Eastern Taimyr, and Tilichiki in Northern Kamchatka. The phenomenon being analyzed represents routine, non-institutionalized, and often unconscious mechanisms that provide community members with products or services that are absent on the spot. The authors come to the conclusion that—regardless of the nature of the deficits (whether they are “traditional”—meat, fish, childcare or “market”—fresh fruits, snowmobile spare parts, taking out a loan for someone)—the practices for their

compensation are similar and the elimination of shortages occurs within diverse social and geographic networks. Exchange networks connect households within the village, extend from the rural area to the city and back and, through a chain of multiple exchanges, mutually compensate the deficits typical for a particular locality. Social prescription for redistribution that is specific for northern villages guarantees provision of the extended family with resources. The described social situation represents a stable (but flexible) configuration of social relations that provides local residents with a convenient and satisfactory way of life and allows them to interpret the situation of the systematic absence of certain goods or services as unproblematic.

Keywords: deficit, shortage, social network, exchange, sharing, infrastructure, Russian Arctic, Taimyr, Kamchatka.

Acknowledgments

The research project has been supported by the grant of the Russian Science Foundation (No. 19-78-10002), project “Food in the Russian Arctic: resources, technologies and innovations”. We express our gratitude to N. Vakhtin and K. Istomin for comments and critical remarks.

Bibliography

- Barsukova S. Yu., *Neformalnaya ekonomika. Ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Informal Economy. Economic and Sociological Analysis]. Moscow: HSE University Publishing House, 2004, 446 pp. (In Russian).
- Barsukova S. Yu., Radaev V. V., ‘Neformalnaya ekonomika v Rossii: kratkiy obzor’ [Informal Economy in Russia: A Brief Overview], *Journal of Economic Sociology*, 2012, vol. 13, no. 2, pp. 4–12. (In Russian).
- Caduc E. V., ‘Rynochnyy obmen i praktiki delezha v Anabarskom rayone respubliky Sakha (Yakutiya)’ [Market Exchange and Share-Out Practices in the Anabar District of the Sakha Republic (Yakutia)], *Ethno Review*, 2017, no. 6, pp. 111–127. (In Russian).
- Graeber D., *Debt: The First 5,000 years*. Brooklyn, NY: Melville House, 2011, 534 pp.
- Gurvich I. S., ‘Informatsiya o zhizni i byte koryakov Koryakskogo natsionalnogo okruga Kamchatskoy oblasti (1957 g.)’ [The Facts about Life and Lifestyle of Koryaks in Koryak Autonomous Region of Kamchatskaya Oblast (1957)], Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.), *Etnologicheskaya ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1956–1958 gody* [Ethnological Expertise: The Peoples of the North of Russia. 1956–1958]. Moscow: IEA RAS Press, 2004, pp. 140–169. (In Russian).
- Duhaime G., Bernard N. (eds.), *Arctic Food Security*. Edmonton: CCI Press, 2008, 344 pp.
- Dyachenko V. I., *Okhotniki vysokikh shirot: dolgany i severnye yakuty* [The Hunters of the High Latitudes: The Dolgan and the Northern Yakut]. St Petersburg: Evropeyskiy Dom, 2005, 272 pp. (In Russian).

- Fitzpatrick S., *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York: Oxford University Press, 1999, 288 pp.
- Gavrilova K., 'Temporal Dimension of Attitudes toward Infrastructure and Opportunities for Relocation from the Northern Town: The Case of Kamchatka Krai', *Sibirica*, 2017, no. 3, pp. 35–56. doi: 10.3167/sib.2017.160303.
- Harder M. T., Wenzel G. W., 'Inuit Subsistence, Social Economy and Food Security in Clyde River, Nunavut', *Arctic*, 2012, vol. 65, no. 3, pp. 305–318. doi: 10.14430/arctic4218.
- Heady P., 'Introduction: Care, Kinship and Community — the View from Below', Heady P., Schweitzer P. (eds.), *Family, Kinship and State in Contemporary Europe*, vol. 2: *The View from Below: Nineteen Localities*. Frankfurt am Main; New York: Campus Verlag, 2010, pp. 13–59.
- Hugh-Jones S., 'Yesterday's Luxuries, Tomorrow's Necessities: Business and Barter in Northwest Amazonia', Humphrey C., Hugh-Jones S. (eds.), *Barter, Exchange and Value: An Anthropological Approach*. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, pp. 42–74. doi: 10.1017/CBO9780511607677.003.
- Humphrey C., 'Barter and Economic Disintegration', *Man*, 1985, vol. 20, no. 1, pp. 48–72. doi: 10.2307/2802221.
- Jochelson W. *The Koryak*. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2016, pp. 401–837.
- Liarskaya E., "Where Do You Get Fish?" Practices of Individual Supplies in Yamal as an Indicator of Social Processes', *Sibirica*, 2017, no. 3, pp. 124–149. doi: 10.3167/sib.2017.160306
- Liarskaya E. V., Gavrilova K. A., "Razmer i ego znachenie": o sotsialnykh setyakh i sotsialnom komforte na Yamale i Kamchatke' [Size Matters: Social Network and Social Comfort in Yamal and Kamchatka], Vakhtin N., Dudek S. (eds.), "Deti devyanostykh" v sovremennoy Rossiyskoy Arktike: A coll. of articles. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2020, pp. 324–398. (In Russian).
- Loring P. A., Gerlach S. C., 'Searching for Progress on Food Security in the North American North: A Research Synthesis and Meta-Analysis of the Peer-Reviewed Literature', *Arctic*, 2015, vol. 68, no. 3, pp. 380–392. doi: 10.14430/arctic4509.
- Malinowski B., *Argonauts of the Western Pacific: An Account of Native Enterprise and Adventure in the Archipelagoes of Melanesian New Guinea*. London; New York: G. Routledge & Sons; E.P. Dutton & Co., 1922, XXXI+527 pp.
- Martynova E. P., 'Darenie, obmen i torgovlya u olenevodov i rybolovov Yamala' [Gifts, Exchange and Trade among Reindeer Herders and Fishers of Yamal], *Torgovlya v etnokulturnom izmerenii* [The Trade: Ethnocultural Perspective]: Papers of the Fourteenth St-Petersburg Ethnographic Readings. St Petersburg: St Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Press, 2015, pp. 118–121. (In Russian).
- Moskalenko N. P., "Ochagovyy obmen": vzaimopomoshch v blizhnem krugе kak forma solidarnosti v tuvinskoy kulture' ["Local Exchange": Mutual Help in the Inner Circle as a Form of Solidarity in Tuvinian Culture], *Torgovlya v etnokulturnom izmerenii* [The Trade: Ethnocultural Perspective]: Papers of the Fourteenth St-Petersburg Ethnographic

- Readings. St Petersburg: St Petersburg State University of Industrial Technology and Design Press, 2015, pp. 136–139. (In Russian).
- Polanyi K., *The Great Transformation: The Political and Economic Origins of Our Time*. New York; Toronto: Farrar & Rinehart, 1944, 305 pp.
- Poleshuk C., 'Kinship Networks and Mutual Assistance in a Central Russian Village: Their Moral and Practical Basis and the Implications for Social Security', Heady P., Schweitzer P. (eds.), *Family, Kinship and State in Contemporary Europe*, vol. 2: *The View from Below: Nineteen Localities*. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2010, pp. 409–430.
- Popov A. A., 'Materialy po rodovomu stroyu dolgan' [Accounts of the Dolgan Kinship System], *Sovetskaya etnografiya*, 1934, no. 6, pp. 116–139. (In Russian).
- Popov A. A., 'Okhota i rybolovstvo u dolgan' [Hunting and Fishing among the Dolgan], Meschaninov V. I. (ed.), *Sbornik pamyati V.G. Bogoraza (1865–1936)* [A Volume in Honour of V.G. Bogoraz (1865–1936)]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 1937, pp. 147–206. (In Russian).
- Portes A., Haller W., 'The Informal Economy', Smelser N. J., Swedberg R. (eds.), *The Handbook of Economic Sociology*. Princeton, NJ: Princeton University Press; New York: Russell Sage Foundation, 1994, pp. 403–425.
- Ready E. 'Challenges in the Assessment of Inuit Food Security', *Arctic*, 2016, vol. 69, no. 3, pp. 266–280. doi: 10.14430/arctic4579.
- Romanov P., Yarskaya-Smirnova E., 'Truzera i kraby dlya sovetskogo potrebitelya: budni podpolnogo kapitalizma fartsovshchikov' [Truzera and Kraby for a Soviet Buyer: Everyday Life of Underground Capitalism of Illegal Traders], Yarskaia-Smirnova E. R., Romanov P. V. (eds.). *Professii.doc. Sotsial. transformatsii professionalizma: vzglyady snaruzhi, vzglyady iznutri* [Professions.doc. Social Transformations of Professionalism: The Views from Inside and Outside]: A coll. of articles. Moscow: Variant, 2007, pp. 152–169. (In Russian).
- Sahlins M., *Stone Age Economics*. New York: Routledge, 1974, 348 pp.
- Shteinberg I., 'K voprosu ob opredelenii seti sotsialnoy podderzhki na sele' [On Defining the Social Network of Support in Rural Area], Shanin T., Nikulin A., Danilov A. (eds.), *Refleksivnoe krestyanovedenie: Desyatiletie issledovaniy selskoy Rossii* [Reflexive Peasant Studies: A Decade of Studies on Rural Russia]. Moscow: MSSSES, ROSSPEN, 2002, pp. 275–283. (In Russian).
- Ssorin-Chaikov N. V., 'Medvezhya shkura i makarony: o sotsialnoy zhizni veshchey v sibirskom sovkhoze i performativnosti razlichiy dara i tovara' [Bearskin and Macaroni: Social Life of the Things in the Siberian State Farm and Performativity of the Differences between Gifts and Goods], *Journal of Economic Sociology*, 2012, vol. 13, no. 2, pp. 59–81. (In Russian).
- Stammler F., 'Capitalism in the Tundra or Tundra in the Capitalism? Specific Purpose Money from Herders, Antlers, and Traders in Yamal, West Siberia', Gertel J., Le Heron R. (eds.), *Economic Spaces of Pastoral Production and Commodity Systems: Markets and Livelihoods*. Surrey: Ashgate, 2011, pp. 231–246.

- Trotsuk I., Nikulin A., 'Kinship Ties and Family Support in Twentieth-century Russia', Grandits H. (ed.), *Family, Kinship and State in Contemporary Europe*. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2010, vol. 1: *The Century of Welfare: Eight Countries*, pp. 325–362.
- Vasilyeva V. V., Karaseva A. I., Bolotova A. A., 'Mobilnost, infrastruktury i vospriyatie mesta' [Mobility, Infrastructure and Perception of Place], Vakhtin N., Dudek S. (eds.), *"Deti devyanostykh" v sovremennoy Rossiyskoy Arktike: A coll. of articles*. St Petersburg: European University at St Petersburg Press, 2020, pp. 139–173. (In Russian).
- Ventsel A., *Reindeer, Rodina and Reciprocity: Kinship and Property Relations in a Siberian Village*. Münster: LIT Verlag, 2005, 367 pp.
- Ventsel A., 'Siberian Movements: How Money and Goods Travel in and out of Northwestern Sakha', *Folklore*, 2011, no. 49, pp. 112–130. doi: 10.7592/FEJF2011.49.ventsel.
- Vinogradskiy V., "'Orudiya slabykh": ekonomika krestyanskoj povsednevnosti' ["The Weapons of the Weak": the Economy of Peasant Everyday Life], Shanin T., Nikulin A., Danilov V. (eds.), *Refleksivnoe krestyanovedenie: Desyatiletie issledovaniy selskoy Rossii* [Reflexive Peasant Studies: A Decade of Studies on Rural Russia]. Moscow: MSSSES, ROSSPEN, 2002, pp. 294–313. (In Russian).
- Ziker J., 'Survival Economy and Core-periphery Dynamics in the Taimyr Autonomous Region, Russia', *Anthropology of East Europe Review*, 1999, vol. 17, no. 2, pp. 63–72.
- Ziker J., Schnegg M., 'Food Sharing at Meals', *Human Nature*, 2005, vol. 16, no. 2, pp. 178–210. doi: 10.1007/s12110-005-1003-6.
- Zmeyeva O. V., "'Po doroge v otpusk": zhiteli Kolskogo Severa v drugikh regionakh Rossii' ["On the Way to Vacation": Kola North's People in Other Russia's Regions], *Trudy Kolskogo nauchnogo trsentra RAN* [The Works of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2010, no. 2, pp. 40–53. (In Russian).